

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.9>

Октябрьская Ольга Святославовна

**"МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ" В РАССКАЗАХ А. П. ГАЙДАРА "ЧУК И ГЕК" И "ГОЛУБАЯ ЧАШКА"**

В статье говорится о реализации "мысли семейной" в новеллистике А. П. Гайдара, чьи произведения остаются классикой детской литературы. Обозначена роль каждой составляющей семейной целостности - отца, матери, ребёнка/детей - в общей сюжетной организации произведения и взаимовлияние каждой из них. В работе исследован процесс поисков семейного счастья в рассказах "Чук и Гек" и "Голубая чашка", а также фольклорная традиция, преобладающая в рассказе Гайдара "Голубая чашка". Выявлены элементы народной волшебной сказки, творчески переосмысленные Гайдаром на сюжетном и смысловом уровнях.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/9.html](http://www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/9.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 253-256. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/](http://www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

## Список источников

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: КБНИИ, 1974. 636 с.
2. Берберов Б. А. Художественные особенности выселенческого фольклора карачаевцев и балкарцев // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 3. С. 18-21.
3. Боров А. Х., Кочесок Р. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Философские науки. 2011. № 1. Спецвыпуск. С. 43-60.
4. Джаубаева Ф. И. Языкотворчество русских писателей как миротворящая деятельность на Северном Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 432 с.
5. КБИГИ 1926-2016: наука в лицах / рук. пр., ред. К. Ф. Дзамихов; сост. Д. М. Кумыкова, Л. Х. Махиева, И. Х. Кушхова, З. В. Черкесова. Юбилейное издание. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 194 с.
6. Культура Южной России. СПб.: Петрополис, 2012. Кн. II / отв. ред. книги Х. Г. Тхагапсоев. 276 с.
7. Кучукова З. А. Кавказ и русская литература: сила соединительного союза // Университетская жизнь. 2012. 18 мая.
8. О русском учителе / сост. С. К. Башиева. Нальчик: Эльбрус, 2016. 216 с.
9. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.): библиографический словарь / ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с.
10. С выходом юбилейного номера // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3. С. 5-6.
11. Улаков М. З. Современные проблемы развития языков народов Северного Кавказа // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2011. Ч. 2. С. 268-272.
12. Шауцукова Л. Х. Российское цивилизационное пространство: кавказские измерения // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 55-58.
13. Шебзухова Т. А., Берберова Е. Г. Северокавказский фронт Российской империи (1722-1864 гг.): монография. М.: ЦИУМиНЛ, 2015. 224 с.

**FOREIGN AND RUSSIAN CAUCASIAN STUDIES:  
HISTORY AND CONTEMPORARY CONDITION**

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology  
Lomonosov Moscow State University  
aset.mankieva@mail.ru

In this article, which is of an overview nature, the object of scientific reflection is a series of the most significant works of the foreign and Russian specialists in Caucasian studies. Relying on them, the author reproduces the diachrony of multidimensional comprehension of the North Caucasus by travelers, ethnographers, historians, geographers, cartographers, writers, culturologists from antiquity to the present day. As the beginning of a qualitatively new level of Caucasian studies, the author singles out the second half of the nineteenth century, when a “view from the outside” is supplemented by a “glance from within” thanks to the arrival of the Caucasian educators in the scientific world. Investigating the present state of scientific Caucasian studies, and defining the vector of its conceptual development, the author gives a brief overview of new monographs, journals, conferences.

*Key words and phrases:* world culture; Russia; Caucasian studies; diachronic section; enlighteners; Soviet period; current state.

УДК 8.82.09

Дата поступления рукописи: 03.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.9>

*В статье говорится о реализации «мысли семейной» в новеллистике А. П. Гайдара, чьи произведения остаются классикой детской литературы. Обозначена роль каждой составляющей семейной целостности – отца, матери, ребёнка/детей – в общей сюжетной организации произведения и взаимовлияние каждой из них. В работе исследован процесс поисков семейного счастья в рассказах «Чук и Гек» и «Голубая чашка», а также фольклорная традиция, преобладающая в рассказе Гайдара «Голубая чашка». Выявлены элементы народной волшебной сказки, творчески переосмысленные Гайдаром на сюжетном и смысловом уровнях.*

*Ключевые слова и фразы:* А. Гайдар; детская литература; фольклорные традиции; обряд инициации; рассказ; образ ребёнка.

Октябрьская Ольга Святославовна, к. филол. н.  
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
svyatolga@yandex.ru

**«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В РАССКАЗАХ А. П. ГАЙДАРА «ЧУК И ГЕК» И «ГОЛУБАЯ ЧАШКА»**

Имя А. П. Гайдара в русской детской литературе XX века знаковое, а его биография и творчество во многом до сих пор мифологизированы. Парадоксально, но даже процесс демифологизации, идущий с 1990-х гг. по настоящее время, во многом тоже носит мифологический характер – низвержение кумиров советского времени в соединении с переосмыслением социально-классовых подходов и социалистических ценностных ориентиров порой имеет эмоционально-конъюнктурную основу. Всё это создает, в частности, новый образ

писателя и политического деятеля А. П. Гайдара [3; 4; 5], который предстаёт уже в другом свете, а сам писатель продолжает быть легендарным персонажем новейшей русской истории. В литературоведческой практике сложилось представление о Гайдаре как о писателе идеологически ориентированном. Действительно, пафос общественного служения отличает героев Гайдара разных возрастов и убеждений (Борис Гориков, Тимур Гараев, Сергей Щербачёв и т.д.). Однако для писателя важна была и другая идея – «мысль семейная», которую он развивает практически в каждом своём произведении. Сам рано ушедший из семьи, погружившийся во взрослую жизнь, не проживший нормально подростковый период, писатель компенсирует отсутствие нормального детства в собственной биографии в судьбах персонажей. Для героев произведений Гайдара 1920-х гг. это было менее актуально, чем для его же персонажей 1930-х, но и они были неразрывно связаны с семьёй или страдали от отсутствия таковой. Так, уже в первом детском рассказе «Р. В. С.» главный герой показан не только в своей игровой и общественной реализации, но и в семейном мире. Персонаж-ребёнок вовлечён в трагические события гражданской войны и помогает красноармейцам, но писатель не забывает сказать и о том, что сын сочувствует матери, которую грозит выгнать из дома Головень, чувствует недостаток материнского тепла и участия и т.д.

Наиболее ярко и полно «мысль семейная» зазвучала в рассказах 1930-х гг. «Чук и Гек» и «Голубая чашка». В одном мать с двумя сыновьями едет в далёкий и незнакомый край – к Синим Горам, чтобы только вместе с мужем и детьми встретить семейный праздник – Новый год, а в другом – для соединения семьи и гармонизации внутрисемейных отношений отцу и дочери необходимо уйти из дома и пройти ряд испытаний, чтобы вернуться туда обновлёнными и обогащёнными новыми знаниями и жизненным опытом, как в русской волшебной сказке.

В обоих рассказах главной фигурой становится ребёнок, который помогает взрослому обрести себя, прийти к взаимопониманию и соединяет семью воедино. Образ ребёнка в анализируемых произведениях центральный. В рассказе «Чук и Гек» повествование о поступках маленьких героев движет, обогащает и разветвляет сюжет. Сыновей начальника геологической партии Серёгина отличает противоположность характеров: Чук – заправский и хозяйственный, собирающий традиционные мальчишечьи «богатства» – «галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи» [2, с. 10]. Это рас пространенный и в литературе, и в жизни мальчишечий тип (к примеру, сходным с этим окажется тип героя-повествователя у Н. Носова). Такой герой разумен и рассудочен, осторожен и аккуратен, крепко подумает, прежде чем что-то сделать. Этот герой, скорее, ведомый, а не ведущий, поэтому он с радостью подхватывает любую затею брата и помогает тому её реализовать. Однако оригинальность и инициативу проявляет, скорее, Гек, чем Чук, который более послушен, хотя и он не прочь пошалить вместе с братом.

Другой персонаж-ребёнок рассказа «Чук и Гек» – Гек – более смелый, открытый, с креативным типом мышления. Он генерирует различные идеи, готов к смелым исследованиям и нестандартным решениям. Это своеобразный тип носовского фантазёра, творческого экспериментатора. Но Гайдару важно подчеркнуть другое качество своего персонажа – главное умение Гека – хорошо петь песни, то есть это компанейский и творческий персонаж, эмоционально реагирующий на всё происходящее и объединяющий всех вокруг себя.

Подобная разнонаправленность не мешает братьям хорошо общаться – это дети одной семьи, они любознательны, эмоциональны, живо реагируют на новые условия жизни, но категорически не готовы быть врозь даже короткое время. При всей противоречивости они рядом постоянно, даже вдали от родного дома помогают матери создать не только домашний уют, но и праздничную – предновогоднюю – атмосферу: с увлечением и азартом они не только мастерят ёлочные игрушки и делают свечи, но и вовлекают в это почти сакральное действие окружающих, заражая их своим задором и упорством.

Ребёнок в рассказе «Голубая чашка» тоже вполне креативен – мастерит с отцом деревянную вертушку, варит клейстер, придумывает, как разрешить ситуацию с разбитой чашкой и помирить родителей. Правда, инициатива больше исходит от отца – в первую очередь, ему не хочется выполнять рутинные поручения Маруси, которые он готов заменить вполне детскими развлечениями, но и Светлана многое делает для примирения родителей.

Гайдару важно показать все основные составляющие семьи – мать, отца, детей (ребёнка). Причём важная организующая роль принадлежит именно матери. Её действия, решения и поступки так или иначе становятся отправной точкой сюжета и способствуют его движению. Так, в рассказе «Чук и Гек» благодаря усилиям матери соединяется семья. Она не только везёт сыновей через всю страну к отцу, но и гармонизирует взаимоотношения сыновей, причём делает это простым, но оригинальным способом – даёт свободу своим малышам, а расшалившихся детей разводит по разным комнатам. С детским задором она берётся за каждое новое дело и старается легко с ним справиться. Она не прочь подыграть сыновьям, пошутить и даже пошалить с ними, но матери принадлежит и ведущая партия в решении бытовых проблем – благодаря ей сборы в дорогу и сама дорога к отцу вполне успешны, она же налаживает нормальную жизнь в сложных и малоприспособленных к жизни условиях – в тайге среди дикой и первозданной природы. Как только мать получает ключи от комнаты мужа, она практически полностью преобразует её, а сыновья с азартом помогают ей.

Роль мужчины, мужа и главы семейства становится второстепенной. В рассказе «Чук и Гек» он, как Дед Мороз или новогодний подарок, появляется лишь в конце рассказа как награда жене и детям за временные трудности, а в рассказе «Голубая чашка» он, как ребёнок, обижается и переживает размолвку с женой, культивирует обиду, якобы нанесённую ему Марусей, ведёт себя по-детски капризно. Его поступки во многом вторичны по отношению к действиям жены и дочери, но Сергей, в отличие от Серёгина, в конце концов готов переосмыслить своё отношение в жизни и семье, помочь Светлане преодолеть некоторые дорожные трудности и прийти к верному решению.

Непосредственно поискам семейного счастья и обретения его в конечном итоге и посвящен рассказ Гайдара «Голубая чашка». Само начало произведения во многом символично. За сухими цифрами (возрастом героев) можно увидеть и потенциал персонажей, и их пограничное состояние, импульс к развитию. Сергею чуть не хватает до возраста Христа: «Мне тогда было тридцать два года» [Там же, с. 57]. Это время подведения первых жизненных итогов, но автор намеренно делает своего героя максимально близким дочери – и по духу, и по поведению, и по детскому задору и инфантильности. Накануне зрелости и жена Сергея – скоро должна разменять четвёртый десяток. Но Маруся – более серьёзный персонаж, она глава семьи и организатор её быта. Даже маленькая Светлана приближается к первому рубежу своей жизни – переходу от младенчества к отрочеству: «А дочери нашей Светлане шесть с половиной» [Там же]. Все они оценивают отношения в собственной семье как неблагополучные. Ожидания матери и отца с дочерью от отдыха на даче поначалу оказываются обманутыми. Сергей и Светлана мечтают о полноценном отдыхе: «...ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи» [Там же]. Матери же необходимо сначала наладить быт и обустроиться на новом месте, она вправе рассчитывать на помощь мужа и даже дочери, поэтому требует «подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать верёвки, заколачивать костыли и гвозди» [Там же]. Мать заботится об общем комфорте отдыха всей семьи, отец же с детской непосредственностью мечтает только об отдыхе и типично летних развлечениях. Это стимулирует столкновение интересов, которое накаляет обстановку до предела, поэтому любая нестандартная ситуация становится серьёзным раздражителем, спусковым крючком драматической коллизии – приезд полярного лётчика (весьма популярный в 1930-е гг. персонаж!), позднее бодрствование Светланы, разбитая голубая чашка – и завязкой конфликта, а также началом движения сюжета о поисках отцом и дочерью жизни «совсем хорошей».

В рассказе Гайдара, как и в волшебной сказке, отлучка героев из дома связана с новизной обстоятельств. В. Пропп отмечает: «Семья живёт счастливо и спокойно, и могла бы жить так очень долго, если бы не произошли очень маленькие, незаметные события, которые вдруг, совершенно неожиданно, раздражают катастрофой» [6, с. 132]. В «Голубой чашке» отлучка из дома и начало путешествия героев мотивированы ссорой супругов и необходимостью поисков хорошей жизни. Дом остаётся временно пустым – мать первая уходит из дома. Её действия решительны и целенаправленны – она приготовила завтрак, отругала домашних, отправилась в город. Ей не нужно проходить через своеобразный обряд инициации, так как она вполне уверена в своих действиях и одновременно в собственной правоте. Это глава семьи, поэтому она берёт на себя всю ответственность за неё. А вот Сергей и Светлана ещё слишком инфантильны, они не определились со своим выбором, растеряны и озадачены, им хочется отдохнуть и заняться собственными делами, а не выполнять поручения Маруси, абсолютно лишние с их точки зрения, поэтому они должны переосмыслить внутрисемейные отношения и остыть от мнимой обиды на мать и жену. Для осмысления собственного положения и сложившейся ситуации они отправляются через луг, болото, лес и поле (важные фольклорные топонимы) искать жизнь «совсем хорошую». Как и герои народной волшебной сказки, они идут, куда глаза глядят, то есть отправляются на поиски себя и смысла жизни. В дорогу отец и дочь, как и герои народной сказки, берут с собой предметы, наделенные в фольклоре особым смыслом, – походную сумку, табак и спички, нож, яблоко и булку. С точки зрения адресата XX в., это вполне привычный набор вещей, необходимых в краткосрочном походе, но за каждым из этих предметов можно увидеть целый ряд смыслов и символов. Так, походная сумка напоминает сказочную суму или волшебный мешок, необходимые в походах по тридевятиному царству или содержащие некие волшебные предметы, помогающие герою в пути и борьбе с антагонистами; табак и спички восходят к сакральному огню и сказочному огниву. В сказке огниво помогает вызвать коня или другого волшебного помощника, в рассказе Гайдара табак и спички связаны с образом старика-сторожа, встреча с которым становится знаковой для путешественников, а сам сторож по сути и является волшебным помощником, подсказывающим верный путь главным героям. Умудрённый жизненным опытом человек, многое знающий и многое понимающий, плавно переводит разговор от современных проблем (фашисты, война, военные учения) к вечным вопросам бытия и выявляет главную формулу жизни – важнее всего для человека семья. Радость, горе и беда напрямую связаны с ближним семейным окружением человека: «...самое плохое для меня далеко – это налево у реки, где стоит наше старое сельское кладбище. А самое хорошее далеко – это направо, через луг, через овраги, где роют камень. Дальше идите перелеском, обогнете болото. Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нём и грибы, и цветы, и малина. Там стоит на берегу дом. В нём живёт моя дочь Валентина и её сын Фёдор» [2, с. 78]. Старик не просто делится своими эмоциями, а вписывает себя в вечную родовую цепь: предки/родители – я – дочь – внук. Дорогое прошлое и все надежды на будущее связаны с семейным кругом, с жизнью рода. Характерно, что старик называет только родных ему по крови людей – дочь и внука, не называя зятя, хотя тот и появляется на страницах рассказа. Автору важно показать именно родовую цепь поколений и вписать туда каждого человека. После этой встречи начинается более осмысленный путь героев к семье, пока чужой, семье дочери и внука старика. Здесь же задействован такой магический предмет, как хлеб. В рассказе он выступает в двух ипостасях – фольклорный подорожник, который взят в дорогу и съеден во время пути (булка), и угощение. В этом случае хлеб превращается в желтые пряники, а угощают не героев встретившиеся по дороге персонажи, а сами герои тех, к кому заходят в гости (мальчик Фёдор). Детское любопытство, шаловливость и тяга ребёнка к сладостям заставляют четырёхлетнего Федора залезть в сумку Сергея и потом не отказаться от угощения.

Сам путь отца и дочери напоминает своеобразный обряд инициации. Герои заходят в лес, встречаются волшебных помощников (старик-сторож, его дочь и внук, зять старика, который везёт их к дому, но доезжает до определённого места, от которого герои должны к дому подойти сами, – своеобразный инвариант волшебного сказочного клубочка), помогают встреченному персонажу (Саньку Карякина, которого все хотят выдрать, пытаются защитить Светлана, учат доброму отношению к людям Сергей и сторож, они же примиряют Саньку

с друзьями) и т.д. Дорога отца и дочери состоит из нескольких этапов. Первый – это бегство из дома, от мамы, от плохой жизни. Герои полны обиды и мечтают вырваться на свободу. Их пока не в силах остановить ни свежее молоко, ни велосипед. Герои намерены уйти навсегда, но уже здесь звучит мотив возвращения: молочница предвещает сожаление после возвращения от некупленного сейчас молока, идущая домой с речки девица, даже шагающий за грибами «толстый дядька» ассоциируется с полной корзиной собранного урожая.

Плавное течение сюжета сменяется ретардацией, когда герои встречаются Саньку Карякина, наблюдают военные учения, отдыхают в доме матери Фёдора. Сергею и Светлане предстоит осмыслить непростую ситуацию, понять относительность собственной обиды, увидеть оборотную сторону на первый взгляд ясной ситуации и осознать необходимость прощения и примирения. Вторым рубежным моментом путешествия является встреча со стариком-сторожем, координирующая ценностную систему: не военные действия, не социальные проблемы, а любовь, внимание и забота близких, семейные ценности важнее всего. Дальнейший путь героев становится уже не абстрактным («куда глаза глядят»), а конкретизируется – герои хотят навестить семью дочери сторожа. Ретардация сюжета помогает читателю увидеть динамику поведения и эмоций Сергея и Светланы. Чиж напоминает Светлане об их общении с мамой, но отец ещё не готов простить жене обиду. Природа явно встаёт на сторону ребёнка и не может понять упрямства отца: «...сердито чирикнул серый чиж. Ни один цветок из целого миллиона не качнулся и не кивнул головой. И нахмурившаяся Светлана строго сказала...» [Там же, с. 83]. Чтобы поменять отношение мужа к жене и простить обиду, ему необходимо пережить множество испытаний. Отцу и дочери предстоит пройти даже через своеобразную смерть – они оба чуть не утонули в болоте. Это тоже сближает рассказ Гайдара с фольклорной сказкой. Там герою предстоит пройти через царство мёртвых и вернуться назад, а здесь автор не распространяется о способах преодоления болотной трясины, а тоже по-фольклорному переходит к следующему эпизоду – «Мы выбрались к реке» [Там же, с. 86]. Этот момент становится в рассказе поворотным – герои проходят своеобразное «воскрешение»: сначала «очистили всю грязь» [Там же] – выполоскали одежду, выкупались, обсохли. Героям необходимо очистить себя, свою душу от всякого негатива, обид и дурных мыслей, потом – увидеть идеал (герои со стороны видят семейную идиллию в семье дочери сторожа и её мужа) и осмыслить свои семейные отношения. Вот здесь только дочь помогает отцу понять маму, провоцируя его на воспоминания о знакомстве родителей и заканчивая уверениями в сильной любви матери к мужу. Мысленное возвращение в прошлое, сопереживание тем уже далёким событиям вызывает у Сергея чувства жалости к Марусе, ответственности за спасённую девушку и благодарности за выхаживание его после ранения. Закрепляется этот эмоциональный ряд уверениями Светланы в искренности и глубине чувств самой Маруси. Как преображается лицо девочки, передающей отношение матери к отцу («Как будто сияние озарило голубые Светланкины глаза, вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый Марусин взгляд упал мне на лицо» [Там же, с. 94]), так меняется позиция Сергея – он прощает жену и готов вернуться домой. Только после этого путь путешественников к дому становится лёгким, быстрым и целенаправленным, более того – и двунаправленным. Мать не просто прощает мужа, но и ждёт его и дочь, выходя им навстречу. Все герои так или иначе прошли испытания и пришли к согласию и единомыслию. Однако здесь решающая роль принадлежит Светлане, так как она придумывает, как помирить родителей: «Это всё только серые семейные мыши» [Там же, с. 100].

Таким образом, «мысль семейная» в обоих рассказах Гайдара оказывается центральной. Благополучные семейные отношения становятся вершиной ценностной иерархии произведений, только это делает жизнь любого человека «совсем хорошей» [Там же]. Но путь к такой жизни весьма непрост – необходимо пройти все трудности, проверить свои чувства и выдержать ряд испытаний. В этом Гайдар использует как реалии конкретной эпохи, так и фольклорные и литературные традиции.

#### *Список источников*

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник. М.: Academia, 2013. 576 с.
2. Гайдар А. Чук и Гек: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2004. 480 с.
3. Камов Б. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. М.: ФАИР, 2009. 95 с.
4. Перечитывая Гайдара сегодня: сборник статей. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 320 с.
5. Потемня А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2007. 480 с.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки // Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 112-437.
7. Скобелев В. П. Поэтика рассказа. Воронеж, 1982. 155 с.
8. Солоухин В. Солёное озеро. М.: Цицеро, 1994. 208 с.
9. Шацкий Е. Аркадий Гайдар и современность // Детская литература. 1999. № 1. С. 18-21.

#### **FAMILY IDEA IN THE STORIES BY A. P. GAIDAR “CHUK AND GEK” AND “THE BLUE CUP”**

**Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna**, Ph. D. in Philology  
Lomonosov Moscow State University  
svyatolga@yandex.ru

The article considers the realization of “family idea” in A. P. Gaidar’s stories, which are still the classics of children’s literature. The researcher identifies the role of each component of family whole – father, mother, child/children – in the arrangement of story line and analyzes the mutual influence of each of them. The paper examines the process of finding family happiness in the stories “Chuk and Gek” and “The Blue Cup” and traces folkloric tradition, which prevails in A. Gaidar’s story “The Blue Cup”. The researcher discovers the elements of a folk fairy tale creatively reinterpreted by A. Gaidar at the story-line and meaningful levels.

*Key words and phrases:* A. Gaidar; children’s literature; folkloric traditions; initiation ritual; story; child image.